

А. С. Кравец

АБСУРД КАК НАРУШЕНИЕ СМЫСЛА

Смысл — это феномен духовной жизни человека, выражающий наиболее имманентное свойство культурного человека: способность мыслить. К чему бы ни стремился человек — к поиску добра и счастья, познанию истины, к справедливому устройству общества, к добыванию хлеба насущного, к радости человеческого общения — везде и всегда он опирается на смыслы. Смыслы являются интеллигибельными, то есть умопостигаемыми, сущностями. В смыслах человек осмысливает мир, свои интенции, поступки других людей.

Способность мыслить широко, по-человечески, постигая смыслы, транслируемые в культуре, — это отнюдь не школярский навык, усвоенный из уроков формальной логики. Скорее это определенное качество общественного человека, приобретаемое в общении с другими людьми, в деятельном освоении мира, в решении простых и сложных задач, встречающихся ему на жизненном пути, в способности рассуждать (т.е. судить о чем-либо) и делать выводы.

Смыслы всегда имеют своего автора, за каждым смыслом скрывается (пусть и анонимный) его творец. Поэтому и говорят, что смыслы имеют глубоко личностный характер. Вместе с тем каждый смысл массой нитей связан с другими смыслами, хранящимися в культуре и, прежде всего, в языке. Смыслы способны накапливаться и транслироваться в культуре. Через освоение или, вернее, присвоение смыслов человек присоединяет себя к человечеству. Именно поэтому смыслы являются не только продуктом личностным, но и одновременно — феноменом общечеловеческим, универсальным. Среди всех форм обмена, возникших в культуре, самым универсальным и общечеловеческим является обмен смыслами.

Смыслы — это отнюдь не произвольная придумка отдельного человека. Любой человек стремится не только понять других людей, но и быть понятым другими. А это возможно только потому, что организация смысла подчиняется определенным за-

конам, нормам смыслов творчества. Смысл — это всегда правильно организованная мысль.

Правила организации смысла можно было бы назвать Логикой с большой буквы, учитывая их универсальность. Формальная логика схватывает лишь самое типичное в организации смыслов. Она оперирует устойчивыми и определенными (дефинируемыми) смыслами, имеющими дескриптивную природу, т.е. смыслами, которые можно охарактеризовать как "положения дел" в мире. Именно для таких смыслов формальная логика устанавливает известные законы выводимости. Но существует еще неисчерпаемое богатство смыслов, в которых человек выражает свои желания, заботы, печали, оценки, а также просьбы, обещания, советы. Существуют иронические смыслы, смыслы-намёки, которые трудно уложить в прокрустово ложе формальной логики. И все же это не означает, что в оперировании подобными смыслами отсутствует всякая логика. Напротив, именно опираясь на общепринятые конвенции в формировании смыслов, на социокультурные нормы общения, люди способны понимать друг друга, адекватно реагировать на адресованные им смыслы. В человеческой коммуникации, по мнению многих ученых, проявляется более широкая "естественная" логика, регулирующая обмен смыслами между коммуникантами¹. Эта логика не отрицает формальную логику, но существенно дополняет ее, включая в свой ресурс нормы смыслов творчества, толкования явных и неявных (имплицитных) смыслов, социокультурные нормы сотрудничества (кооперации) коммуникантов.

Смыслы, как известно, это идеальные сущности. Их царство в духе, или, выражаясь более scientистски, в сознании человека. Но свою явленность, презентативность они обретают в языке. С помощью языка смыслы манифестируются и становятся доступными для освоения и понимания людьми. Смыслы обретают свой дом и успокаиваются в языке, в речи. Манифестированный и отлитый в языковую форму смысл является отчужденным от человека-творца смыслом. Язык является, выражаясь по-гегелевски, формой инобытия смысла. Он возникает как искусственная, созданная людьми система, сопряженная с миром смыслов. Язык и смыслы сопряжены и конгруэнтны друг другу. Мы судим о смыслах, распредмечивая язык. Поэтому логика смыслов отражается, прежде всего, в логике языка.

Безусловно, манифестированный в языке смысл далеко не всегда выражает все богатство замыслов и намерений творца смысла. Многие из субъективного мира творца остаются за кад-

ром манифестированного смысла. Но, опираясь на общечеловеческие нормы организации смысла, знание общих принципов коммуникации, иногда можно пробиться за занавес манифестированного смысла и вывести (имплицировать) намерения и цели субъекта смысла.

Если смыслы подчиняются определенным нормам смысловотворчества, правилам коммуникации, то отклонения от этих норм никогда не способствовали их пониманию и успеху коммуникации. Полусом, противоположным смыслу, всегда считался абсурд. Собственно говоря, сам термин "абсурд" и возник для обозначения таких нарушений смысла, которые губительны для него. Абсурд, таким образом, трактуется как феномен, противоположный смыслу, равнозначный отсутствию смысла.

Все правильные организации смысла располагаются между тавтологией и абсурдом. Тавтология (*Война есть война; Женщина есть женщина*) несет нулевую информацию. Абсурд обычно отождествляется с противоречием, обнаруживаемым в структуре смысла, например: *Холостяк познакомил нас со своей женой; Жизнь есть смерть*.

Нарушения в смысле можно сравнить с мутациями наследственной структуры организма, в результате которых появляются мутанты. Как в основе генетического кода лежит система химической упорядоченности сложных молекул, так и в основе порождения смысла лежит система правил его построения. Все нарушения правил проявляются в речи как алогичность выражения, т.е. как нарушение формальной и естественной логики.

Поскольку осмысленное (т.е. имеющее смысл) выражение несет информацию, к нему вполне применимы такие качественно-количественные характеристики его организации, как негэнтропия и энтропия. Негэнтропия всегда характеризуется упорядоченностью системы, энтропия же является мерой хаоса в системе. Правильно организованный смысл обладает максимальной негэнтропией. Из него можно извлечь четкую информацию, устраняющую неопределенность в выборе каких-либо альтернатив, вывести возможные импликации.

Абсурд эквивалентен внесению хаоса в выражение. С коммуникативной точки зрения его можно интерпретировать как наличие сбоев, несогласованностей между компонентами смысла, нарушений лингвистических и коммуникативных правил его образования. Абсурд затрудняет логическое выведение импликаций, а в определенных критических случаях, когда обнаруживается противоречие ($A \ \& \ A$), вообще разрушает всякую логику

смысла. Поскольку энтропийные моменты (сбои и нарушения) в смысле могут затрагивать различные уровни его организации, можно говорить о различных типах абсурда.

Мы проанализируем три типа (ситуации) абсурда. Прежде всего, мы остановимся на семантических сбоях (нарушениях) в смысле, которые ведут к абсурду. Затем проанализируем абсурды, возникающие в коммуникативных ситуациях и связанные с нарушением естественной логики речевых актов. Наконец, мы подробно рассмотрим софизмы и парадоксы, в которых также способен проявляться абсурд.

Абсурд как нарушение семантических конвенций

Первым требованием осмысленности выражения является смысловая нагруженность составляющих его элементов, т.е. слов. Если компоненты, из которых составлено выражение, не имеют смысла (т.е. у них отсутствует семантика), то высказывание в целом оказывается бессмысленным, даже если оно по своему синтаксическому строю напоминает предложение. Подобного рода бессмыслицы любят конструировать лингвисты в качестве дидактического материала. Например: *Хливкие шорьки пырялись по наве* (Л. Кэрролл); *Глюкая куздра штеко бодрнула бокра и кудрячит бокренка* (Щерба).

Приведенные выражения напоминают чужой и неизвестный язык. Однако их отличие от фраз чужого языка состоит в том, что они в принципе не переводимы ни на один язык. В них просто нет смысла, тогда как фразы чужого языка все-таки переводимы, и, следовательно, имеют смысл. Говоря об осмысленности используемых в выражении слов, следует подчеркнуть, что речь, конечно, идет об общеупотребительном смысле лексем, существующих в лексиконе нации. Слова, специально сконструированные и не вписывающиеся в общепринятую систему языка, даже если их создатель и вкладывал в них какой-то смысл, безусловно, разрушают смысл высказывания. В этом плане интересны наблюдения К. Чуковского над языком детей, который еще в недостаточной степени соответствует общепринятым нормам. Например, фраза *"на посту стоит вулицционер"*, сказанная ребенком, расшифровывается родителями как детская окказиональная конструкция слова *милиционер*, полученная на основе смысла: тот, кто стоит на улице. Много подобных окказиональных конструкций мы встречаем у Л. Кэролла в его "Алисе". Например, слово "злопасный" является произвольной конструкцией слов: "злой" + "опасный".

Если первое требование осмысленности слов, составляющих выражение, выполнено, это еще не означает, что мы получим в итоге осмысленное предложение. Следует помнить, что смысл обладает важнейшей системной характеристикой — целостностью, не сводимой к сумме смысловесущих компонентов. Организация, присущая смыслу в целом, регулируется тремя программами: семантической согласованностью (имен и предикатов), синтаксической управляемостью слов в синтагмах (т.е. в последовательностях слов) и лексической сочетаемостью².

Самым жестким и критериальным для порождения осмысленного высказывания является требование семантической согласованности слов в предложении, которое иногда называют категориальным согласованием³.

Суть семантического согласования заключается в необходимом соответствии между существующими классами имен и возможным набором приписываемых им в предложениях предикатов. Классы имен выделяются на основе принципа дифференциации по восходящей эволюционной лестнице именуемых объектов: от неживых объектов (тел) к растительным, животным и разумным существам. Для каждого имени существует свой парадигмальный набор возможных предикатов. Парадигмальные наборы определяются следующими принципами: а) каждому вышестоящему в эволюционной лестнице классу можно приписывать помимо специфических (присущих только ему) предикатов все предикаты нижестоящих классов и б) нижестоящим в эволюционной цепи классам нельзя приписывать специфические признаки более развитого класса. Так предикаты *двигаться*, *перемещаться*, *иметь размеры*, *вес* и т.п. можно связывать в предложении практически со всеми именами, но предикат *дышать* нельзя приписывать камню, *вычислять* — обезьяне и т.д.

Принципы семантического согласования имен и предикатов отражают связи вещей и их свойств в реальном мире, они корректируются картиной мира, которая находит свое отражение в языке. Запреты, налагаемые принципами семантического согласования, могут нарушаться в фантастических сюжетах, а также при употреблении косвенных (иносказательных) смыслов. Однако в случае употребления прямых смыслов, выражающих положение дел в нашем мире, нарушение семантического согласования ведет к абсурду, например: *табуретки плодились в неимоверном количестве*.

Помимо категориальных ошибок, связанных с иерархией классов имен, возможны нарушения семантических согласо-

ний, выражающих связи общего и единичного, целого и части в предложениях. Например, можно сказать *Жан являлся ярким представителем французской нации* (общее – единичное), но нельзя – *Корень является представителем растений* (целое – часть). Существует важное различие между семантикой пространственных и временных предикатов, например, правильно говорить *Туристы преодолели путь в 15 км*, но неправильно – *Туристы преодолели 3 часа*. Существуют семантические ограничения на характеристики агрегатных состояний. Жидкость может *литься*, но не *сыпаться*, газ может *сжиматься*, но не *литься* и *сыпаться*, лед только *колоться*, но не *резаться* и т.п.

Более точно ограничения, связанные с согласованием имен и предикатов, удалось сформулировать на основе семного анализа⁴. Семы – это семантические компоненты смысла слова. Например, слово *холостяк* содержит семы *мужчина* + *взрослый* + *не имеющий жены*, а слово *кобыла* – семы: *лошадь* + *самка*. В конкретном высказывании, как правило, актуализируется какая-либо одна из сем. Существует правило для образования правильных (т.е. осмысленных) синтагм. Слова в синтагмах образуют правильную последовательность только в том случае, если у них совпадают (пересекаются) какие-либо семы, например, *собака лает*, *солнце светит*. Из этого правила вытекает ограничение на образование бессмысленных фраз. Под запрет попадают синтагмы, в которых отсутствует семная связь слов. Например: *Зеленые идеи яростно спят*; *Фонема обоняла звук запаха*.

В первом случае ни одно из слов, задействованных в построении фразы, не имеет семного зацепления с другим. Во втором примере слова в парах *фонема* – *звук*, *обоняла* – *запах* имеют общие семы, но не образуют последовательной синтагмы, а те, что образуют синтагму (*фонема обоняла*, *звук запаха*), не связаны общими семами. Наиболее ярко абсурд проявляется, когда соединяются слова с контрастными семами: *круглый квадрат*, *живой труп*, *женатый холостяк*. В таких абсурдных синтагмах каждое последующее слово отрицает смысл, утверждаемый в предыдущем.

Помимо семантики для образования целостного смысла предложения важное значение приобретает синтаксис. Говоря о синтаксическом управлении смыслом, следует иметь в виду отнюдь не правила согласования по роду, падежу и числу (т.е. грамматику), нарушение которых скорее обнаруживает недостаточное владение языком, а более глубокий синтаксис (Хомский, Миллер), затрагивающий семантику пропозиций. Смысловая

нагруженность синтаксиса обнаруживается в заполнении валентностей сказуемого. Например, фраза *Иван колот* воспринимается нелепой вследствие незаполненной валентности глагола *колот* (что — *дрова топором, лед ломом*). Столь же нелепыми выглядят фразы *Петр — друг (чей?)*, *Николай — брат (кого?)*, *Джон старше (кого?)*.

Смысл предложения — это, прежде всего, некоторое положение дел в возможном мире. При незаполненных синтаксических позициях или неправильном их заполнении трудно представить себе, какое положение дел имеется в виду, например, *Он окружил себя* (чем? как?). Известно, что на предикатной группе, выполняющей функцию сказуемого, лежит основная нагрузка в выражении смысла предложения. Субъект (подлежащее) лишь намечает тему смысла, доминанта смысла содержится в теме, раскрывающей, что происходит с субъектом, кем или чем он является, какова его характеристика. Сказуемое — это то, что "сказывается" о субъекте предложения. Чтобы сформулировать правильный и целостный смысл предложения, необходимо заполнить все синтаксические позиции в группе сказуемого.

К характерному типу бессмыслиц относятся синтаксические нарушения, связанные с неправильным расположением актантов (т.е. имен, обозначающих предметы или лица) при глаголах действия. Например: *Ехала деревня мимо мужика. Вдруг из-под собаки лают ворота! Выскочила скалка с бабою в руке. Начала дубасить коня на мужике*. Подобного рода искусственные конструкции типичны для жанра небылиц.

Наконец, третий уровень построения смысла образует лексическая сочетаемость. Лексическая сочетаемость отличается от семантической тем, что она не отражает реальных связей вещей и их свойств в мире, а является продуктом конвенции, принятой в некотором национальном языке. Например, нельзя сказать *каштановые глаза*, а следует говорить *карие глаза*, принято говорить *снять дачу* (а не *арендовать*), *круглый дурак* (а не *полный дурак*). Семантические ограничения являются более жесткими и критичными для образования смысла, чем лексические, ибо связаны с моделями устройства мира (положениями дел). Их нарушение делает абсурдным даже мысленное представление какого-либо возможного положения дел в мире. Лексические нарушения не столь разрушительны для смысла. Встретив предложение *Он арендовал дачу* (вместо *снял дачу*), мы все же поймем смысл сказанного, хотя в нем и нарушается лексическая сочетаемость.

Особый случай лексической сочетаемости слов представляют идиомы (например, *тихой сапой, без году неделя, оставаться на бобах*), в которых нельзя заменить ни одного слова без разрушения смысла. Идиомы встраиваются в смысл предложения полностью в неизменном виде.

Таким образом, нарушения в образовании смысла, связанные с семантической согласованностью, синтаксическим управлением и лексической сочетаемостью, ведут к разрушению смысловой ткани предложения. В этом случае вместо нормативного смысла, трактуемого как некоторое положение дел, мы получаем различного рода нелепицы, бессмыслицы, абсурд. В принципе можно было бы ввести целую шкалу или типологию абсурдов. Наиболее ярко абсурд манифестируется наличием противоречия внутри синтагм (*круглый квадрат, глухонемой певец, свинцовый дух*). Абсурд в предложении аналогичен автомобилю, собранному как попало, когда на место карбюратора ставится трамблер, воздушного фильтра — бензиновый фильтр и т.п. Если смысл предложения определяется как возможное положение дел в мире, об абсурде можно сказать, что он выражает невозможное в любом мыслимом мире.

Заканчивая анализ причин абсурда в рамках предложения, нельзя не остановиться на скрытой части айсберга смысла — на presupпозиции. Presupпозиция предполагается смыслом конструируемой пропозиции. Чаще всего она не выражается в речи, но подразумевается смыслом предложения. Presupпозицию можно реконструировать из основного смысла предложения, хотя она и не является импликацией в строгом логическом смысле. Дело в том, что presupпозиция безразлична к истинностному значению предложения в отличие от логических следствий. Собственно говоря, presupпозиция S^* и определяется как предпосылочный смысл, полагаемый пропозицией S , независимо от того, является ли последняя истиной или ложью.

Возьмем, к примеру, предложение *Осторожно продвигаясь по шоссе на своем новом автомобиле в густом лондонском тумане, Чарльз опоздал к открытию банка, чем вызвал недовольство шефа*. Независимо от того, опоздал Чарльз или все-таки поспел вовремя, из манифестируемого смысла можно сделать вывод: существует человек по имени Чарльз (presupпозиция существования), он служит в банке, у него есть автомобиль, он работает и живет в Лондоне. Это и будут presupпозиции манифестируемого предложения.

Итак, presupпозиции и пропозиции всегда связаны необходи-

мой смысловой связью. Поэтому при нарушениях этой смысловой связи, а тем более при возникающем противоречии между ними, возникает абсурд. Фраза *Покойник явился во фраке с букетом роз* является абсурдной, так как нарушает пресуппозицию существования субъекта предложения. Подобное утверждение может возникнуть только в каком-то фантастическом сюжете.

Смысловая функция пресуппозиции состоит в том, что она вводит в план высказываний тот возможный мир, по отношению к которому строятся манифестируемые смыслы. Мир, вводимый пресуппозицией, не обязательно должен совпадать с нашим реальным миром. Он может быть каким угодно, даже фантастическим, но, обозначая этот мир, пресуппозиция накладывает ограничения на смыслы, манифестируемые предложением. Здесь действует правило: пресуппозиция и пропозиция должны относиться к одному и тому же миру. Абсурд чаще всего и возникает из-за смещения планов реального и ирреального миров.

Например, фраза *Санта-Клаус примчался на оленях* воспринимается как осмысленная, ибо имя Санта-Клаус репрезентирует здесь сказочный мир, но сказать *Я отобедал с Санта-Клаусом* — значит выразить нечто абсурдное, ибо личное местоимение "Я" манифестирует мою причастность к реальному миру, а имя "Санта-Клаус" маркирует нереальный, фантастический мир.

Рассмотрим отрывок из вьетнамской песни, который цитирует Хоанг Фэ⁵.

*Когда угорь пойдет на нерест в заросли смоковниц,
А сорока начнет высиживать птенцов на дне реки,
Я женюсь на тебе.*

Первичный поверхностный смысл фразы состоит в том, что молодой человек обещал жениться на девушке к определенному сроку. Однако мир, вводимый пресуппозицией, явно ирреален. Известно, что угорь не может нереститься на суше, а сорока высиживать птенцов на дне реки. Рисуемая ситуация явно абсурдна, но в песне она используется сознательно, чтобы обозначить невозможность заключения брака молодых людей в реальном мире.

Прием совмещения параллельных миров — реального и ирреального (фантастического, сакрального, сказочного) — часто используется в литературе для подчеркивания абсурдности рассматриваемой ситуации. Например, в романе М. Булгакова "Мастер и Маргарита" этот прием сознательно используется и для акцентации комичности возникающих ситуаций, и для придания эффекта неожиданности описываемых событий, и для подчеркивания божественной ауры таланта Мастера.

Проблема совмещения сакральной и земной истории в жизни Иисуса Христа всегда вызывала бурные дискуссии в теологии. Попытки истолкования жизненного пути Иисуса с позиций рационализма или здравого смысла всегда наталкивались на непреодолимое препятствие в толковании чуда. Чудо – неперенный атрибут сакральной истории, оно всегда выступает маркером божественной природы деяний, однако, с точки зрения здравого смысла, опирающегося на земной опыт, чудо противоестественно и потому абсурдно.

Сын Бога был беспорочно зачат в чреве обычной женщины. Беспорочное зачатие вполне допустимо в сакральном мире, но немисливо в земном мире, т.е. абсурдно. Сын Бога был распят как простой человек, и это абсурдно уже с точки зрения божественной сущности Иисуса Христа. Будучи мертвым, как обычный смертный, он воскрес, и это абсурдно для земной истории. Вот что пишет по этому поводу Тертуллиан: “Сын Божий распят, нет во мне стыда, ибо это постыдно. Божий сын мертв: это правдоподобно, ибо нелепо. И был он погребен и восстал из гроба: это определено, ибо невероятно”⁶.

Возможность совмещения различных пресуппозиций в осмыслении одних и тех же манифестируемых предложений часто используется в комических жанрах. Обратимся к анекдоту.

Грабитель поздним вечером догоняет спешащую домой молодую учительницу и угрожающе говорит: *Отдай часы*. Учительница: *Часы? Ни за что, мне самой не хватает*. Комизм ситуации состоит в том, что грабитель исходит из пресуппозиции, что у девушки есть наручные часы, в то время как она исходит из пресуппозиции, что мужчина требует поделиться с ней учебными часами в школе.

Таким образом, абсурд всегда возникает из разрушения смысловых связей как внутри предложения, так и между пресуппозицией и самим манифестируемым предложением.

Абсурд как нарушение принципов коммуникации

До сих пор мы рассматривали возможности возникновения абсурда, исходя из системы лингвистических норм, присущих построению правильного предложения. Именно из анализа предложений как смысловой единицы языка возникла пропозициональная парадигма, трактующая смысл как возможное положение дел в мире. Однако пропозициональная парадигма смысла является сильной идеализацией, не учитывающей всех смысловых аспектов живой речи, в которой коммуниканты осуществля-

ют свои намерения и цели, стремятся к взаимопониманию, выстраивают определенную логику диалога. То, что считалось несущественным для пропозиционального подхода, а именно: модальная рамка пропозиции (утверждение, отрицание, вопрошание, сомнение и т.д.), а также намерения, мотивы, цели субъекта речевого акта — все это приобретает важнейшее значение в реальной коммуникации.

В практике общения люди не говорят бесцельно, а всегда преследуют определенные цели, стремясь проинформировать о чем-либо слушающего, добиться от него какого-либо результата, дать совет, попросить о чем-либо, предупредить, они что-то обещают друг другу, приказывают и т.д. Поэтому для понимания смысла речевого акта весьма существенное значение приобретают и модальность высказывания, и намерение говорящего, и скрытые, подчас, мотивы.

Речевой акт содержит три взаимосвязанных смысловых компонента: иллокуцию, локуцию и перлокуцию. Иллокуция характеризует все намерения говорящего, производящего речевой акт: его мотивы, цели. Локуция является манифестацией речевого акта, построенного по принципам языковых конвенций и коммуникативного сотрудничества, о которых пойдет речь дальше. Наконец, перлокуция является коммуникативным эффектом, производимым речевым актом на слушающего.

По теории Дж. Остина и Дж. Серля речевой акт всегда является действием, производимым говорящим. Это действие направлено на реализацию конкретной цели, развивается по определенному плану и является успешным только при выполнении соответствующих социокультурных норм⁷. Так, просьбы, обещания, советы, утверждения, отрицания и т.п., выраженные в речевом акте, являются типичными действиями. Эти действия с помощью слов Остин назвал перформативами.

Если подходить к речевому акту как к коммуникативному действию, то понимание его смысла следует расширить за пределы пропозициональной парадигмы. Пропозиция *p* составляет лишь ядро смысла речевого акта, но в его целостный смысл входят также намерения и цели говорящего. В модель речевого акта входит перформативный глагол, выражающий иллокутивную цель говорящего, и сама пропозиция, указывающая на то положение дел, которое должно быть достигнуто:

утверждаю, что p;
обещаю сделать p;
прошу сделать p;

приказываю сделать р;

объявляю р;

советую сделать р.

Следовательно, целостный смысл речевого акта образуется единством (гармонией) мотивов, намерений, целей говорящего и локуцией высказывания⁸. Так же, как в любом действии цель, средства и конечный результат соответствуют друг другу, так и в речевом акте мотив предопределяет намерения говорящего, намерения — цель, цель обуславливает план построения речевого акта, реализация плана предопределяет воздействие на слушающего в желаемом направлении. Любое рассогласование в этой цепочке может приводить к абсурду.

Для успеха речевого акта помимо выполнения лингвистических норм существенное значение приобретают общезначимые принципы коммуникации. Впервые эти принципы сформулировал Г. П. Грайс⁹, назвав их Принципами Кооперации, или Сотрудничества. По мнению Грайса, важнейшими характеристиками речевого акта являются его *успешность* и *искренность*. Именно эти характеристики речевого акта в какой-то степени аналогичны критерию истинности, применимому к дескриптивным предложениям. Ориентируясь на успех коммуникативного действия, коммуниканты стремятся к взаимопониманию в достижении общей цели, пытаются распознать не только манифестированную иллокуцию, но и скрытые (имплицитные) намерения и мотивы говорящего, пытаются делать адекватные шаги в сообщении необходимой и релевантной информации, осуществлять адекватные выводы (т.е. выводить импликатуры), соблюдать социокультурные нормы. Например, приказ может отдавать только высшее в социальной иерархии лицо, советы и предупреждения могут быть обращены к другу, декларации может осуществлять официально уполномоченное лицо.

Дж. Лакофф, развивая идеи Грайса, говорит о существовании естественной логики в коммуникациях, нарушение которой приводит к абсурду¹⁰.

Рассмотрим некоторые парадоксальные речевые акты:

Прошу тебя открыть окно, но не открывай его;

На улице идет дождь, но я не верю в это;

Обещаю жениться на тебе, но не сделаю этого.

С семантической точки зрения здесь нет никаких нарушений, но с позиции Принципов коммуникации такие речевые акты недопустимы. В них нарушается искренность и естественная

логика коммуникации. По Лакоффу существует логическая связь между иллокуцией, выраженной перформативными глаголами *просить, утверждать, обещать* и мотивом речевого действия:

Просить р, значит *Желать* р;

Утверждать р, значит *Верить* в р (считать истинным р);

Обещать р, значит *Намереваться* выполнить р.

Таким образом, в приведенных примерах нарушается логика коммуникативных действий, так как нельзя одновременно *Просить* нечто и *Не желать* этого, *Утверждать* что-то и *Не верить* в это, *Обещать* нечто и *Не намереваться* выполнить обещанное. Нарушение естественной логики в речевых актах означает их абсурдность.

Лакофф указывает на аналогию между семантическим понятием истинности, применимым к констатирующим факты высказываниям, и понятием успеха, применимым к перформативам. Коммуникант, который не стремится к успеху, т.е. эффективному достижению поставленной цели, поступает абсурдно. Явно абсурдными с этой точки зрения являются высказывания:

Не выполняй настоящего приказа;

Я обещаю не сдерживать данного обещания;

Я советую тебе не следовать настоящему совету.

По мнению Лакоффа, в принципе не существует ни одной мыслимой ситуации, в которой бы осуществились намерения коммуниканта. Если попытаться перевести первый перформатив в некоторое констатирующее высказывание, например, *Джон выполнял приказ, когда его не выполнял*, то оно не может иметь истинностного значения (т.е. его нельзя оценить ни как ложь, ни как истину), оно является уже семантической бессмыслицей (*выполнял* = *не выполнял*).

Специфика речевых актов состоит в том, что часто иллокуции говорящего скрыты, не манифестируются в высказывании. Например, если кто-то говорит вам, увидев ваше намерение войти во двор: *"Во дворе злая собака"*, — то вы понимаете, что это не простая констатация факта, а предупреждение, которое в восстановленной форме звучит так: *"Предупреждаю тебя, что во дворе злая собака"*. Однако существует целый ряд глаголов, выражающих иллокутивную цель говорящего, явное употребление которых недопустимо в речевом акте, ибо ведет к подрыву намерений говорящего. Э. Вендлер назвал явное употребление таких глаголов *"иллокутивным самоубийством"*¹¹.

В числе подобных глаголов Э. Вендлер выделяет две группы:

1) ругать, поносить, пилить, придирается; 2) высмеивать, дразнить, насмехаться, язвить, умалять достоинство, льстить, намекать. Все эти глаголы имеют негативные коннотации. Действительно, речевые акты с употреблением данных глаголов (например, *Я поношу тебя, Я высмеиваю тебя*) воспринимаются как отклонение от нормы. В чем же выражается это отклонение?

По мнению Вендлера, при подобных употреблениях глаголов нарушаются социокультурные нормы, в частности, этикетные правила. Так, если вы хотите выразить некоторый намек, то недопустимо начинать речевой акт с глагола "намекать", например: *Я намекаю тебе, что назначаю свидание*. Говорящий должен побудить слушающего к разгадке вашего желания, например; *Не пойти ли нам вечером в кафе?* Аналогично, если вы хотите в рамках принятого этикета похвалить своего знакомого, то нельзя употреблять фразу *Я лщу тебе..*, ибо это подрывает искренность вашей оценки. То, что должно быть скрыто с точки зрения этики, нельзя явно манифестировать в речевом акте. С точки зрения семантики здесь все как раз выглядит вполне нормально, а с точки зрения этики — иллюкутивным самоубийством: скрываемая цель выплывает наружу.

У глаголов первой группы "противопоказание к перформативному употреблению находится на уровне поведения: грубость, назойливость, преувеличение"¹². У глаголов второй группы подрывной фактор более разрушителен. Он ставит под сомнение искренность или основательность самой иллюкутивной цели, уменьшает моральное право говорящего на этическую оценку. Употребляя слова этой группы, "мы хотим показать, что то, что говорилось, было незаслуженным — объект высмеивания не заслуживает такого пренебрежения, объект лести не заслуживает похвалы, быть может, даже в собственном мнении того, кто высмеивает или льстит"¹³.

Особое значение в диалогах приобретает принцип релевантности, нарушение которого также порождает абсурдные коммуникативные ситуации. Согласно Грайсу, сотрудничество коммуникантов при диалогах должно протекать таким образом, чтобы вклад каждого участника способствовал достижению общей цели. Ситуация "кто в лес, кто по дрова" не должна возникать в диалогах. Поэтому, если вы спрашиваете "Который час?", а вам отвечают, что "Доллар опять упал", то это, конечно, абсурд, вызванный нерелевантностью ответа.

Смысл речевого акта в сильной степени зависит от его связи с контекстными условиями. Контекст играет важную роль при

умозаключениях, выводимых из речевого акта. Поэтому неадекватность ответа контексту может приводить к абсурду. Например, если один участник коммуникации спрашивает своего друга на вокзале *Есть ли у тебя билет?*, а тот, игнорируя контекст, отвечает *Да, два билета в Большой театр*, то возникает явно абсурдная коммуникативная ситуация, хотя ответ семантически безупречен.

Наконец, нельзя не отметить зависимость успеха коммуникации от фоновых знаний коммуникантов. Здесь также возможны абсурдные ситуации, когда фоновые знания коммуникантов не совпадают или отклоняются от общезначимых стандартов. Однажды на защите диссертации один из выступающих сказал буквально следующее: "Я добровольный оппонент соискателя и буду защищать его позицию", — вызвав тем самым недоумение у присутствующих, ибо оппонент — это, прежде всего, возражающий.

В понимании речевых актов важное значение имеют прагматические презумпции. Прагматические презумпции существенно отличаются от семантических презумпций (пресуппозиций), присущих предложению как единице языка. "Семантическая презумпция предложения S — это суждение, которое слушающий должен считать истинным, чтобы предложение S было для него осмысленным, а прагматическая презумпция — это суждение, которое слушающему должно быть известно, чтобы высказывание было информативным"¹⁴. Прагматическая презумпция основывается на знаниях говорящего, в достоверности которых он уверен, а также на предположении о том, что это знание известно слушающему. Однако это предположение говорящего в речевой практике может не оправдаться, что приводит к неудаче речевого акта.

Например вопрос *Это ты разбил чашку?* имеет прагматическую презумпцию *Кто-то разбил чашку*, но если слушающий ничего об этом не знает, то закономерна его реакция "Какую чашку?", но не ответ "Не Я". У слушающего ложность прагматической презумпции говорящего создает впечатление неуместности сказанного.

Обратимся к анекдотическим ситуациям.

— *Мойша, где ты был летом?*

— *В Киеве, купался в море* (ложная презумпция, что в Киеве есть море).

— *Но в Киеве нет моря* (опровержение ложной презумпции).

— *Да? Но я не знал и выкупался* (абсурд, призванный сохранить хорошую мину при плохой игре).

Или другой анекдот:

Девушка легкого поведения — гусару, собирающемуся уходить: *Поручик, а деньги?* (Предполагается презумпция, что за удовольствие клиент должен платить).

Гусар: *Мадам, гусары за любовь деньги не берут.*

Последнее высказывание не только опровергает презумпцию девушки, но и содержит новую презумпцию, согласно которой за любовь должна платить девушка, но поручик благородно отказывается от денег. На несовпадении прагматических презумпций коммуникантов построен комический абсурд.

Преодоление абсурда

Мы видели, что абсурд является оборотной стороной смысла, его противоположностью, которая обусловлена нарушениями в смысловой конструкции выражения. Эти нарушения могут лежать в плоскости означения, сочетания слов в предложении, в расхождении намерений говорящего и манифестируемым смыслом речевого акта, а также в нарушении принципов кооперации (сотрудничества) в диалогах.

Теперь мы хотели бы обратить внимание на то, что граница между смыслом и абсурдом не столь абсолютна, как это кажется на первый взгляд. Безусловно, абсурд губителен для смысла, его существование недопустимо для коммуникантов и вообще для мыслящего человека. Но именно поэтому, встретившись с абсурдом, реципиент стремится понять, в чем причина абсурда, что хотел сказать говорящий, почему он отклонился от общепринятых стандартов смысла.

Реципиент (слушающий) всегда исходит из презумпции, что нормальный человек рационален в коммуникативной деятельности, что он стремится не нарушать естественную логику, а коль скоро он все-таки ее нарушает, то нельзя ли предположить, что говорящий дает нам намек на то, чтобы мы догадались о скрытом за абсурдом смысле. Как отмечает Хоанг Фэ, "люди обычно не делают противоречивых, тавтологических или бессмысленных суждений", ну а коль скоро вы с ними все же встретились, то вступает в силу правило: "Если эксплицитное содержание высказывания при обычной интерпретации является противоречивым, тавтологичным или бессмысленным, мы должны его интерпретировать по-другому"¹⁵. Другими словами, абсурд во многих случаях рассматривается как знак, требующий новой интерпретации сказанного, в отличие от лежащего на поверхности негативного толкования его как бессмыслицы.

Наиболее типичным поверхностным проявлением абсурда является употребление косвенных смыслов, в которых нарушается логика семантического согласования. Например, выражения *Джон свинья*; *Наш начальник дубина* явно маркируют косвенные смыслы, а восстановленные при интерпретации (*Джон ведет себя по-хамски*; *Наш начальник глуп*) удовлетворяют уже всем семантическим нормам. Под косвенными речевыми актами понимают высказывания, подчиняющиеся формуле *Если p, то q*, которую интерпретируют таким образом: "Говорящий сказал p, имея в виду q". Если профессор в ответ на запрос о философских способностях аспиранта N пишет: "N регулярно посещал мои философские семинары и неплохо владеет английским языком", то его ответ, на первый взгляд, является не релевантным и потому абсурдным. Однако, получив такую характеристику, приемная комиссия принимает гипотезу, что ответ профессора не может быть абсурдным, и, следовательно, сказав p, он имел в виду q, а именно, что у аспиранта N нет философских способностей. Таким образом, лежащий на поверхности высказывания абсурд преодолевается соответствующей интерпретацией сказанного.

Следует подчеркнуть, что взгляд на абсурд с точки зрения теории речевых актов существенно расширяет возможности его преодоления. Встретившись с абсурдным высказыванием, интерпретатор начинает обращать внимание на скрытые (не манифестированные) намерения говорящего, зависимость сказанного от контекстных условий, презумпций, фоновых знаний говорящего, на соответствие речевого акта социокультурным нормам. Так явно абсурдное выражение, сказанное при определенных условиях, *У N славная жизнь после смерти* может означать (исходя из контекста и фоновых знаний), что N сделал очень многое в жизни, его дела имеют большое значение для истории, и потому его не забудут. Аналогично, бессмысленное на первый взгляд высказывание *Король умер, да здравствует король!* интерпретируется в контекстных условиях как *Старый король умер, да здравствует новый король!*

Подобным же образом преодолеваются тавтологические высказывания, если их трактовать как речевые акты, совершенные в определенных контекстных условиях. Например, *Война есть война* можно интерпретировать как *Война требует жертв*, а *Женщина есть женщина* с учетом контекстных условий можно трактовать как *От женщины не следует требовать слишком много*.

Ф. Кифер пытается с позиции теории речевых актов преодолеть, казалось бы, самые абсурдные выражения. Например, выражение *Анна красива и безобразна*, вырванное из контекста, является, безусловно, абсурдным, однако погруженное в ситуацию коммуникации, оно может быть истолковано иначе: "Во-первых, Анна может быть красивой с одной точки зрения и безобразной — с другой, например: у нее может быть красивое лицо и безобразные ноги, или наоборот. Как только такое понимание признается возможным, противоречие исчезает. Во-вторых, Анна может быть временами красивой, а временами безобразной — например, безобразной по утрам и красивой вечером, или наоборот"¹⁶.

Разлад намерений с манифестируемым речевым актом, например, *Я обещаю на тебе жениться, но не сделаю этого*, можно интерпретировать как акт, сделанный под давлением, принуждением.

Даже самый неприступный и, казалось бы, непреодолимый абсурд вроде *Зеленые идеи яростно спят* можно объяснить, исходя из гипотезы шизофренической болезни говорящего. По крайней мере, психиатры говорят о типичности подобных выражений для шизофренической поэзии.

Д. Фоллесдаль исходит из того, что в основе понимания лежит стремление людей думать и поступать рационально. Рациональность предполагает взвешивание и анализ альтернатив. Встретившись с иррациональностью, с абсурдом, человек стремится так переинтерпретировать абсурд, чтобы выявить рациональные основания действия или речевого акта. Если на основании стандартной модели принятия решений удастся так переинтерпретировать абсурд, чтобы стал явным скрывающийся за ним смысл, то понимание субъекта достигается. Однако в случае непонимания (когда интерпретация не выявила никакого смысла) следует продолжить интерпретацию, включив новые ресурсы в объяснение абсурда: "К числу этих факторов могут относиться такие, как формирование представлений у субъекта под влиянием пропаганды, рекламы или группового давления; действия под влиянием гипноза и наркотиков; действия, совершаемые на основе неосознанных побуждений, и т.д."¹⁷.

Возможности преодоления абсурда отнюдь не следует трактовать на манер Ж. Делеза¹⁸ как тезис о порождении абсурдом смысла. У Делеза обосновывается именно эта идея о первопричине абсурда в генерации смысла. Но она не подтверждается ни данными лингвистики, ни творчеством научных смыслов. Ско-

рее истиной является прямо противоположная идея: всякий абсурд разрушает смысл, но смысл может быть восстановлен вновь в своих правах, если, встретившись с абсурдом, мы предпримем усилия по восстановлению скрытого за ним смысла.

Что здесь имеется в виду? Всякий абсурд рассматривается коммуникантами как маркер отклонения от стандартной модели общения, как нарушение смысла. Но реципиент может предположить, что абсурдное высказывание говорящий произнес не случайно, что за ним стоит первичный смысл, сознательно скрываемый говорящим, и последний надеется на то, что слушающий самостоятельно выведет этот смысл, включив дополнительные ресурсы. Общая стратегия преодоления абсурда реципиентом (слушающим) распадается на ряд последовательных шагов:

1-й шаг — обнаружение абсурда как отклонения от стандартной модели общения;

2-й шаг — признание того, что отклонение запланировано, т.е. принятие гипотезы о том, что за абсурдом стоит скрытый смысл;

3-й шаг — принятие установки на раскрытие смысла;

4-й шаг — принятие формулы: сказав p , говорящий имел в виду q (скрытый смысл);

5-й шаг — поиск ресурсов, для вывода q .

Последующие шаги зависят от конкретики высказывания. Они включают перебор дополнительных ресурсов для импликаций, выведение следствий.

Рассмотрим конкретный пример.

Мери (Майклу): *Не подарить ли мне Джону ложки?*

Майкл: *Я не знал, что медведи катаются на лыжах.*

Ответ Майкла явно абсурден. Пример примечателен тем, что в нем допущен ряд отклонений от стандартной модели коммуникации. Рассуждения Мери могут развиваться по следующему сценарию.

Шаг 1. Я спросила у Майкла совета в форме вопроса. Стандартная модель коммуникации предполагает ответ "Да" или "Нет". Майкл дал мне не релевантный ответ. Вместо четкого ответа по существу вопроса он сообщает о своих знаниях. Я не могу обвинить Майкла в том, что он не хочет сотрудничать со мной в коммуникации.

Шаг 2. Следовательно, исходя из Принципа кооперации, ответ Майкла должен быть релевантным. Манифестированное им отклонение от нормы специально запланировано.

Шаг 3. По-видимому, за высказыванием Майкла скрывается какой-то релевантный смысл.

Шаг 4. Не выражая этот смысл явно, Майкл хочет, чтобы я самостоятельно вывела этот смысл.

Шаг 5. Я должна исходить из формулы: сказав *p*, Майкл имел в виду *q*. Для того, чтобы найти *q*, я должна проанализировать манифестированное высказывание (лингвистический фактор), учесть общие (с Майклом) фоновые знания и контекст общения.

Шаг 6. Лингвистический анализ обнаруживает еще два, по-видимому, запланированных отклонения от нормы. Фиксация новых отклонений.

Шаг 7. Во-первых, высказывание Майкла выражает его мнение о некотором факте. Известно, что в контекстах мнения всегда существует презумпция факта, полагаемая говорящим как истина. Такой презумпцией является суждение *"Медведи катаются на лыжах"*. Эта презумпция также является абсурдной, противоречащей общезначимым фактам.

Шаг 8. Но я знаю, и Майкл знает, что я знаю, что *Медведи не катаются на лыжах* (фоновые знания). Значит, Майкл использует недозволенную презумпцию вполне сознательно. Он надеется, что я самостоятельно дезавуирую его презумпцию и приму правильную презумпцию: *Медведи не катаются на лыжах*.

Шаг 9. (Обнаружение еще одного отклонения). В презумпции Майкла нарушено категориальное (семантическое) согласование: *Медведи* (имя) — *катание на лыжах* (предикат). Такое нарушение можно объяснить применением косвенного смысла, в частности, тем, что Майкл выражается метафорически: под *"медведем"* здесь имеется в виду человек.

Шаг 10. Если под медведем имеется в виду вполне конкретный человек, то учитывая контекст коммуникации и наши общие фоновые знания, нетрудно вывести, что Майкл имел в виду Джона. Действительно, Джон полноват и неуклюж.

Шаг 11. Итак, исходя из предыдущих шагов, я могу сделать вывод, что *Джон не умеет и не будет кататься на лыжах*.

Шаг 12. Теперь можно устранить отклонения в релевантности высказывания Майкла. Не ответив прямолинейно ни *"Да"*, ни *"Нет"* на мой вопрос, Майкл тем не менее подвел меня к выводу, что *Джону не целесообразно дарить лыжи*.

Шаг 13. Следовательно, Майкл ответил на мой вопрос *"Нет"* (Не стоит дарить Джону лыжи).

За счет чего был преодолен первичный абсурд в нашем при-

мере? Ясно, что вырванное из контекста общения предложение "Медведи катаются на лыжах" абсурдно. Сколько бы мы не размышляли над этим абсурдным предложением, вряд ли бы вывели из него какой-либо смысл. Только вписав это предложение в реальный контекст общения и предположив, что говорящий вполне сознательно нарушает лингвистические нормы и принципы коммуникации, чтобы намекнуть нам о скрытом (косвенном) смысле, мы путем дополнительной интерпретативной работы (умозаключений, учета лингвистических и коммуникативных норм, использования фоновых знаний) пробиваемся к подлинному смыслу сказанного.

Таким образом, смысл иницируется не абсурдом самим по себе, а нашим поиском этого смысла, основанным на гипотезе, что люди всегда говорят осмысленно. Абсурд в данном случае выступает лишь маркером того, что истинный смысл скрыт за поверхностной формой абсурда. Следовательно, вопреки Делезу, можно сказать, что смысл всегда порождается смыслом, выводится, и вполне рационально, из предпосылочных смыслов, а там, где мы встречаемся с абсурдом, он может преодолеваться путем восстановления исходного смысла или переинтерпретирования сказанного.

Софизмы и парадоксы: абсурд в рассуждениях

В истории философской мысли особое место занимает античная софистика, в русле которой впервые была поставлена проблема возникновения абсурда в рассуждениях. Установившаяся негативная оценка софизмов как некоторых логических уловок, обманных приемов рассуждения, логических ошибок не совсем справедлива. Безусловно, такие софизмы присутствуют в антологии античной мысли, но существуют и софизмы, которые до сих пор вызывают споры у современных мыслителей в силу того, что в них не обнаружено каких-либо видимых ошибок. Нет даже четкого разграничения между софизмами и парадоксами, хотя парадоксы обычно оценивались как позитивные попытки решения проблем, не поддающиеся объяснению с точки зрения законов формальной логики.

Как отмечает А. П. Огурцов, софисты "стремились выявить противоречие в рассуждениях, допуская равнозначность истинных и ложных рассуждений. Отрицая значимость принципа непротиворечия, они проводили мысль о том, что одно и то же рассуждение может быть и истинным, и ложным"¹⁹.

Абсурды, возникающие при рассмотрении софизмов, были

обусловлены не столько отклонением от семантических норм, сколько скрытым отклонением от логики рассуждений. Софисты неосознанно, в неявной форме способствовали постановке трудных проблем логической доказательности, границ применения понятий, референции, существования объектов, мыслимых в понятиях и т.п. Ими собран уникальный арсенал софизмов, который стал испытательным полигоном для развития логических теорий.

Не существует даже сколь-нибудь приемлемой типологии софизмов. В работе А. С. Богомолова²⁰ проводится мысль о трех типах софизмов: парадоксы типа "Протагор и Эватл", "Покрытый"; диалектические противоречия (типа апорий Зенона) и противоречия неправильного рассуждения.

Начнем с тривиальных софизмов, в которых присутствует какая-либо скрытая ошибка в рассуждениях. Обратимся к древнему софизму стоиков "Телега", который Делез ошибочно относит к парадоксам: "Все, что ты говоришь, выходит из твоего рта". Ты говоришь "телега", значит, телега выходит из твоего рта. Здесь абсурд возникает из-за элементарной путаницы в трактовке значения термина "телега". Любое слово имеет автореферентное значение, которое обычно не учитывается в трактовке его лексического значения. Автореферентность любого слова означает, что оно является словом (знаком) какого-либо языка. Так, "телега" является словом из русского языка. Лексическое же значение опирается на референт (предмет реального мира), соответствующий слову. Так слову "телега" соответствует некий предмет реального мира. Когда я говорю, я произношу слова, например, русское слово "телега". Именно эти слова и "выходят из моего рта", но отнюдь не предметы реального мира, соответствующие этим словам.

Теперь рассмотрим более хитрый софизм "Рогатый". "То, что ты не потерял, то ты имеешь. Ты не потерял рога. Следовательно, ты их имеешь". Доказательство явно противоречит очевидности и здравому смыслу. Но в чем здесь ошибка? Ошибка кроется в трактовке понятия "потерянная вещь", вернее в четкости определения того, к какому множеству она принадлежит. Образует множество M_1 всех вещей, принадлежащих мне, и множество M_2 всех вещей, потерянных мною. Множество M_2 образуется из множества M_1 в процессе утери вещей, т.е. элементы множества M_2 состоят из элементов множества M_1 . Если M_2 образуется подобным образом, то любая "потерянная вещь" должна была принадлежать мне до утери ее, а все, что я не

потерял, по-прежнему принадлежит мне. Софизм возникает из-за того, что в множество потерянных вещей незаконно могут зачисляться вещи, раннее мне не принадлежавшие, например, рога. Именно это и абсурдно.

В софизме "Покрытый" поднимается важная проблема зависимости значения (денотата) выражения от контекста мнения. Спрашивают Электру, знает ли она своего брата Ореста. "Конечно, знаю", — отвечает Электра. Но вот он возвращается после долгой разлуки и сидит перед ней, покрытый одеялом. Так знает ли Электра того, кто сидит перед ней? "Нет", — отвечает Электра. Следовательно, *она знает того, кого не знает*. Явный абсурд!

Значительно позже логики провели различие между экстенциональными высказываниями и интенциональными, получившими название контекстов мнения. Интенциональные выражения вводятся обычно глаголами *знать, думать, предполагать, утверждать* и т.п. Известно, что денотат выражения может определяться различными смыслами (интенционалами). Например, выражения *ученик Платона* и *воспитатель Александра Македонского* определяют один и тот же денотат (Аристотель). В экстенциональных выражениях мы можем заменить один интенционал (ученик Платона) на другой (воспитатель Александра Македонского), без потери истинности высказывания, если они определяют один и тот же денотат. Однако в интенциональных выражениях такая замена запрещена. Например, Вальтер Скотт является автором "Вэверлея" и автором "Айвенго". Обратимся к интенциональному выражению: «Георг IV знал, что Вальтер Скотт является автором "Вэверлея"». Если мы заменим теперь выражение «автор "Вэверлея"» на «автор "Айвенго"», то получим отнюдь не эквивалентное утверждение «Георг IV знал, что Вальтер Скотт является автором "Айвенго"». Ведь Георг IV этого мог и не знать.

В софизме "Покрытый" как раз и используется высказывание с контекстом мнения. Абсурд устраняется, ибо для Электры "брат" и "покрытый" вовсе не одно и то же лицо, именно поэтому *она знает брата, но не знает покрытого*. Софизм привлекает внимание к интенциональным высказываниям, которые стимулировали разработку интенциональных логик.

Весьма непросто разобраться, в чем кроются основания софизма Протагора "Тяжба о плате". Протагор обучил своего ученика Эватла юридическому искусству и заключил с ним договор о том, что тот выплатит ему соответствующую плату за обучение

после первого выигранного судебного процесса. Шло время, но Эватл не участвовал в судебных процессах и, естественно, ничего не выплачивал своему учителю. Тогда Протагор предупредил Эватла, что подаст на него в суд, требуя платы за обучение, и получит ее при любом решении суда. "Если суд обяжет тебя заплатить мне, — утверждал Протагор, — ты заплатишь мне по решению суда, но если суд решит дело в твою пользу, отказав мне в плате, то ты, Эватл, заплатишь мне по договору, поскольку это будет первое твое выигранное дело". На что способный ученик ответил: "Все будет как раз наоборот. Если я выиграю дело, то не заплачу тебе по постановлению суда, а если суд обяжет меня платить, то, значит, я проиграл тяжбу и не заплачу тебе по условиям договора".

Как отмечает А. А. Ивин, было предложено много способов решения этого софизма, но все они, с его точки зрения, являются неудовлетворительными²¹. Сам автор считает, что мы имеем дело с некоторым типом самореференциальных выражений, подобных таким, как "Никогда не говори никогда", "Каждое правило имеет исключение" и т.д. Область применения подобных выражений следует всегда ограничивать, применяя к ним индекс "кроме". Это означает, что в договоре следовало бы написать "Первый процесс, кроме процесса об уплате денег за обучение и т.д.".

Однако, с нашей точки зрения, такое уточнение, исключаящее тяжбу об уплате денег за обучение, отнюдь не разрешает проблему. По этому исправленному договору решение суда, как положительное, так и отрицательное, вообще выносится за пределы договора, а поскольку Эватл не собирается вести других судебных дел, то своей платы Протагору придется ждать вечно.

Представляет интерес рассмотрение повторного разбирательства дела Протагора при повторной его апелляции к суду. Здесь возможны четыре ситуации. Допустим, что в первый раз суд решил дело в пользу Эватла. Протагор подает повторную апелляцию. Возникают два варианта.

а) Суд может учесть, что Эватл выиграл первое дело, и обяжет его выплатить Протагору плату за обучение. Эватл лишается аргументов в свою пользу, ибо он должен платить и по договору, и по решению суда.

б) Суд может подтвердить первое решение, т.е. решить дело снова в пользу Эватла. Тогда Эватл отказывается от уплаты в силу повторного решения суда.

Допустим, что в первый раз суд решил дело в пользу Протагора. Здесь также возможны два варианта развития событий.

в) Суд снова решает дело в пользу Протагора. Эватл снова отказывается платить за обучение, поскольку он не выиграл ни одного судебного дела.

г) Суд решает дело на этот раз в пользу Эватла. Эватл, ссылаясь на это решение, отказывается уплатить долг Протагору.

Таким образом, в предложенной модели судебного разбирательства лишь один из четырех вариантов развития событий может закончиться в пользу Протагора.

К софизму Протагора можно подойти и с позиции принципов коммуникации. Заключая договор, Эватл, по существу, обещает оплатить свое обучение, но дальнейшее развитие событий показывает, что Эватл не собирается этого делать. Здесь возникает противоречие между обещанием и искренностью намерений Эватла. Ведь согласно принципам коммуникативного сотрудничества: *Обещать* значит искренне *намереваться* выполнить это обещание. Речевые акты, в которых нарушается эта естественная логика, попадают под запрет. По существу, здесь нарушаются общезначимые этические нормы.

Можно сказать, что софизм "Тяжба о плате" поднимает сложные вопросы логики должностования, и в какой-то мере сходен с парадоксами Дж. Мура²². В своих парадоксах Дж. Мур подчеркивает амбивалентность любых этических решений. Возьмем к примеру ситуацию, когда ваш лучший друг просит у вас убежище, скрываясь от полиции. Какое решение вы должны принять: сдать полиции как законопослушный гражданин или укрыть лучшего друга? Здесь никакая формальная логика не поможет разрешить эту этическую проблему.

Софизмы "Куча" и "Лысый" кажутся тривиальными, но, по существу, поднимают сложную проблему описания становящихся процессов. Сколько зерен надо прибавить к одному зерну, чтобы получить кучу? Сколько волосинок нужно выдернуть из головы мужчины, чтобы получился лысый? Несмотря на всю простоту вопроса и очевидность наблюдаемого явления, ответа нет. Это как раз и обескураживает нас. По мнению А. А. Ивина, подобные софизмы демонстрируют "наглядный пример тех трудностей, к которым ведет употребление неточных понятий"²³.

Действительно, адекватное объяснение реальных ситуаций в сильной степени зависит от имеющегося языка. Обычный язык формировался в зависимости как от жизненного опыта человека, так и от чувственных возможностей восприятия человека. Поэто-

му многие предикатные имена в естественном языке составляют полярные оппозиции (твердый — мягкий, тяжелый — легкий, тонкий — толстый и т.д.), однако существуют предикатные ряды с более тонкой градацией воспринимаемых качеств (например, имена семи цветов радуги; температурные характеристики — холодный, теплый, горячий; характеристики вкусовых качеств — горький, сладкий, соленый, безвкусный). Однако любой набор предикатных имен в естественном языке не в состоянии описать все богатство возможных модификаций признаков в реальном мире. Эти провалы в характеризации изменяющихся объектов и призвана заполнить наука, в которой разрабатываются искусственные языки (физики, химии и т.д.).

По мнению Гегеля, парадоксы “Куча”, “Лысый” обусловлены противоречиями меры. Действительно, в мире существуют вещи и явления, имеющие вполне определенную меру, для которых характерно скачкообразное (дискретное) изменение качества, и такие, для которых характерна непрерывность в изменении качества. Именно с непрерывным изменением качества мы и сталкиваемся в обсуждаемых парадоксах. Полярные предикаты (лысый — не лысый, куча — не куча) оказываются слишком грубыми для объяснения непрерывно изменяющихся объектов.

Софизмы “Куча” и “Лысый” намечают проблему адекватности языка задаче описания процессов становления. По существу их можно назвать парадоксами, поскольку в них абсурдная ситуация возникает отнюдь не в силу какой-то ошибки в рассуждениях. С нашей точки зрения, при всей условности различия софизмов и парадоксов, первые характеризуются какими-либо ошибками и нарушениями в логике рассуждений, а вторые более фундаментальны: они являются формулировкой проблемы, не имеющей однозначного решения.

Как указывает А. А. Ивин, “парадокс в широком и довольно неопределенном смысле — это утверждение, резко расходящееся с общепринятыми устоявшимися мнениями, отрицание того, что представляется “безусловно правильным”. Все софизмы являются, конечно, парадоксами в этом смысле. Парадокс в более узком и гораздо более современном значении — это два противоположных утверждения, для каждого из которых имеются представляющиеся убедительными аргументы. Наиболее резкой формой парадокса, называемой обычно “антиномией”, является рассуждение, доказывающее эквивалентность двух высказываний, одно из которых является отрицанием другого²⁴. С. В. Во-

робьева подчеркивает, что парадокс обнаруживает "логическое противоречие, из которого невозможно найти выход"²⁵.

Парадокс не равнозначен абсурду. Более того, парадокс всегда наполнен глубоким смыслом. Он имеет свои смысловые основания, не лежащие на поверхности. Формулировка парадокса требует глубокого ума, нестандартных рассуждений. В нем есть своя доказательность. Но в рамках парадокса всегда возникает противоречие, столкновение двух противоположных суждений, взаимно отрицающих друг друга. Это и есть момент абсурда, нетерпимый разумом и здравым смыслом.

Мастером парадоксов был Зенон Элейский, сформулировавший свои известные апории (апория с греческого – безвыходное положение). В атории "Ахиллес и черепаха" Зенон доказывает, что быстроногий Ахиллес не может догнать черепаху, если между ними существует изначально некоторое расстояние r , и они начинают движение одновременно. Действительно, для того, чтобы преодолеть расстояние r , Ахиллесу потребуется некоторое время Δt_1 . За это время черепаха успеет переместиться на расстояние Δr_1 . Теперь Ахиллесу предстоит преодолеть новое расстояние за время Δt_2 , но черепаха снова удалится на расстояние Δr_2 и т.д. до бесконечности.

В атории "Дихотомия" Зенон доказывает странное утверждение, что Ахиллес вообще не может сдвинуться с места и аргументирует это следующим образом. Для того, чтобы преодолеть расстояние r , отделяющее Ахиллеса от черепахи, ему вначале необходимо преодолеть половину этого расстояния (т.е. $r/2$). Для того, чтобы преодолеть эту половину, ему предстоит пройти половину этой половины (т.е. $r/4$) и т.д. Очевидно, что процесс деления отрезков может длиться бесконечно долго, приближаясь к исходной стартовой точке. В итоге, рассуждая теоретически, Ахиллес так и не может сдвинуться с "мертвой" точки.

Абсурдность возникающих выводов заключается в том, что они противоречат здравому смыслу и очевидности. Нетрудно увидеть, что безупречные выводы Зенона основываются на допущении непрерывности и бесконечной делимости пространства. Говоря современным языком, Зенон предлагает такую теоретическую модель в решении поставленных проблем, в рамках которой его выводы являются незыблемыми. Эти выводы не могут возникнуть в рамках дискретной модели движения. Достаточно допустить, что движение Ахиллеса составлено из шагов, имеющих минимальную и фиксированную длину. Тогда можно посчитать, через какое количество шагов Ахиллес может догнать

черепахе. Таким образом, в рамках дискретной модели получаются совсем другие выводы: Ахиллес догонит черепаху за конечное время.

Однако существует другой знаменитый парадокс Зенона "Летящая стрела", в котором он исходит из представлений о дискретности пространства. Но оказывается, что в рамках этой дискретной модели возникают другие противоречия.

Итак, стрела, выпущенная из лука, описывает некоторую траекторию в пространстве. Разобьем эту траекторию на дискретные участки $(\Delta r_1, \Delta r_2, \dots)$, соответствующие дискретным моментам времени $(\Delta t_1, \Delta t_2, \dots)$, необходимым для их преодоления стрелой.

Теперь сформулируем тезис: в момент времени t_0 стрела находится (т.е. "покоится") в начальной точке x_0 , в момент t_1 она находится ("покоится") в точке x_1 и т. д. ($\Delta r_1 = x_1 - x_0$; $\Delta r_2 = x_2 - x_1$...; $\Delta t_1 = t_1 - t_0$; $\Delta t_2 = t_2 - t_1$...). Если брать все более короткие интервалы времени (а их предел стремится к нулю), то можно заключить, что в любой момент времени t_i стрела "покоится" в некоторой точке x_i . Движения нет: из суммы состояний покоя нельзя получить движения.

Предположим на этот раз обратное: в каждый момент времени t_i стрела не находится в соответствующей точке x_i , например, покидает эту точку. Однако, если мы снова перейдем к предельному переходу, то получим не менее обескураживающий вывод: стрела вообще не находится ни в одной точке пространства. Движение как переход от точки к точке снова отсутствует.

Итак, в принятой модели возникают (в зависимости от посылок) два взаимно отрицающих вывода: стрела находится и не находится в любой точке пространства в любой момент времени.

В первых двух апориях предполагалось, что пространство делимо до бесконечности, из-за чего Ахиллес не мог догнать черепаху или сдвинуться с места. В "Стреле" предложена модель дискретного пространства, но и здесь мы пришли к отрицанию движения. Но мы видим в опыте, что стрела летит! Явный абсурд: эмпирическое свидетельство находится в вопиющем противоречии с теоретической моделью. Говорят, что один из учеников Зенона пытался доказать наличие движения, просто начав ходить вокруг учителя. Легенда гласит и о том, что ученик был побит за такое доказательство палкой, ибо философу негоже прибегать к эмпирическому аргументу там, где требуется теоретическое доказательство.

Апории Зенона стимулировали интерес к теоретическому осмыслению движения, пространства, времени. С развитием клас-

сической механики во многих отношениях были преодолены парадоксы в описании механического движения. Ньютоном была предложена научная модель описания движения, в которой, конечно, уже не возникает парадокса с летящей стрелой, ибо вводится понятие скорости, отсутствующее у Зенона. По Ньютону, движущаяся стрела в каждый момент времени должна обладать определенной скоростью. Понятие скорость в свою очередь опирается на понятие производной. Однако математическое понятие производной в своем становлении натолкнулось на парадоксальные отношения между конечным и бесконечным, кривой и прямой в предельных переходах. Открытие парадоксов всегда стимулировало развитие теоретической мысли.

Если апории Зенона поднимали важный мировоззренческий вопрос о сущности движения, то другой известный парадокс "Лжец", приписываемый Эвбулиду из Милета (IV в. до н.э.), поднимает вопрос о способностях нашего разума рассуждать непротиворечиво. На примере элементарного рассуждения Эвбулид доказывает, что наше мышление способно давать сбои, приводящие нас в замешательство.

Допустим, что некто сказал фразу: "Я лгу". Что сказал говорящий: истину или ложь? Если сказанное — Я лгу — истина, то говорящий лжет. Если же сказанное — ложь, то утверждение Я лгу означает, что говорящий глаголет истину. Получается, что когда мы оцениваем сказанное как истину, то должны признать высказывание ложным, а когда признаем высказывание ложным, должны согласиться, что говорящий сообщает истину. Абсурд, от которого можно сойти с ума!

Уже античным философам было известно, что оценки истина/ложь приводят к противоречию, когда они применяются к высказываниям, содержащим в качестве предикатов те же самые термины истина/ложь. И только в XX в. в связи с кризисом в развитии канторовской теории множеств выяснилось, что противоречие, возникающее в парадоксе "Лжец", носит довольно общий характер. Источником парадоксов в теории множеств Рассел считал неограниченное конструирование множеств из элементов. Например, из элементов 0, 1 можно сконструировать множества M_1 (0), содержащее элемент 0; множество M_2 (1), содержащее элемент 1; множество M_3 (0, 1), содержащее элементы 0 и 1, множество множеств M , содержащее все перечисленные множества M_1, M_2, M_3 и, наконец, множество N множеств, не содержащих себя в качестве элемента. Как далеко простирается возможность построения множеств?

Существует два типа множеств: 1) нормальные (собственные), которые являются классом, не обладающим свойством элементов, из которых он формируется. Например, множество книг не является книгой; 2) ненормальные (несобственные), которые обладают свойством входящих в него элементов. Например, каталог каталогов сам является каталогом. Следовательно, одни множества включают самих себя в качестве элементов, другие не включают себя в качестве элементов.

Допустим, мы имеем дело с множеством N множеств, *не содержащих себя в качестве элемента*. К какой разновидности множеств принадлежит N ? Если само N принадлежит множеству множеств, то по определению (выделенному курсивом) оно не должно принадлежать N . Если же N не принадлежит нашему множеству множеств, то опять-таки по определению оно должно принадлежать N . Получаем противоречие одновременной принадлежности и непринадлежности N к множеству множеств.

Это противоречие Рассел остроумно пояснил на парадоксе брадобрея²⁶. Один предприимчивый брадобрей объявил всем жителям деревни, что он: а) бреет тех жителей, которые не бреют самих себя и, естественно, б) не бреет тех, кто бреет сам себя. Перед брадобреем возник вопрос: должен ли он брить самого себя? Если брадобрей не будет брить самого себя, то он попадет в разряд жителей, не бреющих самих себя и, согласно (а), должен брить самого себя. Если же он будет брить самого себя, то попадет в разряд жителей, бреющих самих себя и, согласно (б), не должен брить себя. Получается, что брадобрей должен брить самого себя и не должен брить себя.

Парадокс брадобрея является типичным для определения множества множеств, не содержащих себя в качестве элемента. Помимо парадокса "Лжеца" под это понятие попадают и максимы "Всякое правило имеет исключение" и "Никогда не говори никогда". Если сказанное в первой максиме относится и к ней самой, то она не является правилом (т.е. является исключением), но если сказанное является исключением, то оно подтверждает максиму, т.е. является правилом. Подобные парадоксы Рассел назвал принципом порочного круга, возникающим из-за того, что элемент множества также считается множеством. И то, и другое обладает одними и теми же семантическими статусами: то, что судится, оценивается, утверждается, регламентируется, в высказывании уравнивается с множеством самих оценок, регламентаций, правил и т.п., выражающих высказывание о вы-

сказывании. "То, что содержит всё множество, — по мнению Рассела, — не должно быть элементом множества"²⁷.

Чтобы избежать подобных парадоксов, Рассел совместно с Уайтхедом в трехтомном труде "Основания математики" (1910—1913) изложил знаменитую теорию типов. Теория типов исключает представление о множестве, принадлежащем самому себе. В основе теории типов лежит разнесение по разным ведомствам (уровням абстрагирования) высказываний об индивидах (элементах) и множествах. Индивиды образуют нулевой тип, утверждение об их свойстве — второй тип, утверждение о свойстве свойств — третий тип и т.д. Высказывание о свойстве нельзя приравнивать самому свойству, высказывание о высказываниях нельзя приравнивать (ставить на один уровень) с первичными высказываниями и т.д.

Вернемся к парадоксу "Лжец". Он возник из-за того, что здесь смешиваются (ставятся на один уровень) сама пропозиция p , в которой используется предикат "ложно", и высказывание об этой пропозиции p с использованием того же самого предиката. По Расселу, высказывание "Я лгу" более точно может быть выражено в виде: "Существует утверждение p и p ложно". Теперь, опираясь на теорию типов, можно утверждать, что если p принадлежит n -типу, то утверждение относительно p принадлежит более высокому типу. "Следовательно, если утверждение относительно p истинно, то само p ложно, и если утверждение относительно p ложно, то p истинно. Никакого противоречия не возникает"²⁸. Аналогичным образом разрешаются и другие парадоксы порочного круга.

Итак, мы рассмотрели софизмы и парадоксы, которые содержат абсурд, выражающийся либо в невозможности дать непротиворечивый ответ на проблему, сформулированную в рамках этих экстравагантных форм дискурса, либо приводят к взаимно отрицающим друг друга суждениям. Здесь мы сталкиваемся с абсурдом, который вызван не семантическими отклонениями (нарушением принципов семантического согласования), а расхождением с общепринятыми требованиями формальной логики и прежде всего с законом недопустимости взаимно противоречивых выводов. Другими словами, абсурд возникает в рассуждениях, выводимых из условий, сформулированных в рамках софизма и парадокса. Причем, если софизм более или менее легко устраняется при выявлении ошибки в рассуждениях, то парадокс формулирует проблему, которая является нетривиальной и решение которой неизбежно, самой логикой парадокса приводит к

абсурдным выводам. Абсурд нетерпим разумом, он нарушает привычные представления о рациональности человеческого мышления. Разрешение парадокса, т.е. устранение возникающего в его рамках абсурда, достигается не на пути устранения каких-либо логических ошибок в ткани рассуждений, а за счет привлечения дополнительных интеллектуальных ресурсов (новых понятий, новых моделей, новых идей и т.д.), т.е. связано с творчеством новых смыслов, выводящих разум на новый уровень понимания проблемы.

Антиномии Канта

В ряду известных парадоксов особое место занимают антиномии Канта, имеющие непреходящее значение в истории философской мысли. Вот эти четыре антиномии:

1) *тезис* — "Мир имеет начало во времени и ограничен также в пространстве"²⁹; *антитезис* — "Мир не имеет начала во времени и границ в пространстве; он бесконечен и во времени, и в пространстве";

2) *тезис* — "Всякая сложная субстанция в мире состоит из простых частей, и вообще существует только простое или то, что сложено из простого"³⁰; *антитезис* — "Ни одна сложная вещь не состоит из простых вещей, и вообще в мире нет ничего простого"³¹;

3) *тезис* — "Причинность по законам природы есть не единственная причинность, из которой можно вывести все явления в мире. Для объяснения явлений необходимо еще допустить свободную причинность"³²; *антитезис* — "Нет никакой свободы, все совершается в мире только по законам природы"³³;

4) *тезис* — "К миру принадлежит или как часть его или как его причина безусловно необходимая сущность"³⁴; *антитезис* — "Нигде нет никакой абсолютно необходимой сущности — ни в мире, ни вне мира — как его причины"³⁵.

Все антиномии касаются предельных оснований мира, с полным основанием их можно назвать онтологическими. Это выглядит несколько парадоксальным, ибо известно, что Кант не занимался онтологией, его философский интерес фокусировался вокруг гносеологии. Но в том-то и дело, что антиномии Канта предваряют его критику всякой философской онтологии, или, как сейчас стало вновь модно говорить, — всякой метафизики, претендующей на раскрытие предельных оснований мира.

Прежде чем говорить о мире, т.е. отвечать на вопрос, каков он, необходимо, с точки зрения кенигсбергского философа,

выяснить, каковы возможности нашего познания, на что мы можем надеяться в наших попытках понимания мира. И его знаменитые парадоксы скорее работают на кантовскую гносеологию, чем на какую-либо онтологию. Ведь эти парадоксальные антиномии выбивают почву из-под любой онтологии, апеллирующей к предельным основаниям мира.

Действительно, в каждой антиномии тезис противостоит антитезису. Каждый из них порознь, отдельно друг от друга несет вполне определенный смысл, каждый из них мог бы стать основанием какой-либо онтологии, но только не вместе. Совместное их сосуществование в рамках какой-либо теории мира было бы абсурдно, ибо если истинен тезис, то ложен антитезис, и наоборот. Такова неумолимая логика смысла. Не могут быть истинными одновременно утверждение и отрицание одного и того же. Человечеству следовало бы, наконец, договориться, а вернее доказать, какой из тезисов правомерен, а какой следует отвергнуть как ложный. Но критический философ верен себе. Он доказывает, что оба утверждения — тезис и антитезис в каждой антиномии — одинаково правомерны, рассудочное мышление доказывает истинность каждого из них. Тем самым Кант выбивает почву из-под абсолютистских притязаний любой онтологии на окончательную истинность. Парадокс в том и состоит, что признавая правомерность одного (тезиса), мы с не меньшим основанием должны признать и другое (антитезис).

Первая антиномия говорит о том, что мир одновременно можно мыслить как конечный (в пространстве и времени) и как бесконечный. Вторая утверждает, что мир в своей основе имеет пределы деления, но антитезис тут же фиксирует бесконечность деления. Третья антиномия вытекает из вечного спора детерминистов, признающих всеобщую обусловленность всех явлений в мире, и их противников — индетерминистов, отстаивающих идею свободы. Одно исключает другое, но Кант обосновывает равноправность обеих позиций. Последняя антиномия имеет прямое отношение к выбору оснований мира. Любая философия ищет эти основания либо в мире (субстанция, первопричина, абсолютно необходимая сущность и т.п.), либо вне мира (например, в Боге). Кант выносит парадоксальный приговор: можно исходить из признания существования такой перво-сущности и одновременно отрицать ее наличие.

Рассмотрим кантовское доказательство первой антиномии. Возьмем тезис "Мир имеет начало во времени и ограничен в пространстве". Его доказательство Кант ведет от противного до-

пушения: "Мир не имеет начала во времени, тогда до всякого данного момента времени протекла вечность и, стало быть, прошел бесконечный ряд следующих друг за другом состояний вещей в мире"³⁶. Важнейшую роль в доказательстве тезиса у Канта приобретает вторая часть его допущения от противного: понятие прошедшего, исчерпанного в логическом синтезе бесконечного ряда событий.

Как мы приходим к бесконечному ряду событий? Только путем прибавления к выбранному за исходную точку момента времени предшествующего момента, т.е. некоторой единицы, затем другой единицы и т.д. Следовательно, этот ряд никогда не может быть закончен, ибо бесконечность всегда больше любой конечной величины. Отсюда "совершенно бесспорно следует, — утверждает немецкий философ, — что вечность действительно следующих друг за другом состояний не может пройти до данного (настоящего) момента времени, следовательно, мир должен иметь начало"³⁷.

Подобным же образом доказывается и ограниченность мира в пространстве: "Допустим опять противоположное суждение, что мир есть бесконечно данное целое из одновременно существующих вещей"³⁸. Границы этой целокупности вещей не могут быть обозримы в эмпирическом созерцании. Мы можем только мысленно представлять эту бесконечную целокупность частей мира посредством заверщенного синтеза ряда частей. Но заверщенный синтез бесконечного агрегата частей, требующий к тому же бесконечного времени для своего завершения, невозможен. Следовательно, мир ограничен (конечен) в пространстве и времени.

Для доказательства антитезиса Кант опять-таки прибегает к противоположному допущению, что мир имеет начало во времени и пространстве. С его точки зрения, пространство и время есть только "форма внешнего созерцания, а не действительный предмет"³⁹. Время и пространство не порождают (по Канту, не определяют) вещи, а являются условиями их созерцания. Однако, если мы допускаем некое начало мира, то мы должны допустить существование времени и пространства до начала мира, т.е. пустое время и пустое пространство, что по Канту невозможно.

Мы не будем рассматривать доказательства остальных антиномий Канта, поскольку далеко не всех ученых удовлетворяет доказательная сила его аргументов, а сосредоточимся на разъяснениях немецкого философа, пытающегося объяснить, почему, собственно говоря, возникают упомянутые парадоксы. По Кан-

ту, столкновение тезиса и антитезиса возникает только в разуме, вследствие чего он и называет их антиномиями чистого разума.

Для понимания кантовской точки зрения следует напомнить исходные принципы его философии, лежащие в основе его критического подхода к познанию предельных оснований мира. С точки зрения великого критика, познание включает в себя эмпирическое созерцание, рассудок, основывающийся на трансцендентальных (всеобщих) идеях и, наконец, разум. По Канту, существует "вещь-в-себе", т.е. объект, предшествующий всякому познанию и независимый от него. "Вещь-в-себе" представляет собой ноумен, обладающий своей сущностью, не доступной (не данной) нам в созерцании. "Вещи-в-себе" противостоит "вещь-для-нас", явление. "Вещь-для-нас" феноменальна, только она и обнаруживает себя в эмпирическом созерцании. Рассудок следует за эмпирическим рядом созерцаний. Посредством чистых (априорных) мыслительных форм он организует различные синтезы явлений, выявляет связи между ними. Если рассудок является рефлексией над эмпирическим данным в явлении, то разум является уже своеобразной рефлексией над рассудочным мышлением. Хотя разум и связан через рассудок с эмпирическими данными в явлении, в своих умпостигаемых трансцендентальных идеях он способен выходить за пределы эмпирической ограниченности. Разум всегда критичен по отношению к рассудочному мышлению, он выявляет правила научного мышления, пределы применимости рассудка. Именно на разум Кант возлагает как ответственность за то, что возникают противоречия в его попытках выйти за пределы эмпирического созерцания и рассудочного мышления, так и обязанность устранения этих противоречий. Абсурд нетерпим разумом, поэтому столкновение тезиса и антитезиса должно быть преодолено, в конечном счете, критической работой самого разума.

Вот дальнейший ход рассуждений великого мыслителя по преодолению злополучной противоречивости сформулированных суждений.

Если в мышлении мы встречаемся с противоречием друг другу каких-либо суждений, то обычно в соответствии с законом формальной логики считается, что одно из них должно быть истинным, а другое — ложным. Если же оба взаимоисключающих суждения равноправны в своих логических основаниях, то это наводит на мысль, что мы имеем дело с каким-либо софизмом, требующим устранения ошибки в рассуждениях. Однако продемонстрированное Кантом доказательство равноправности проти-

воположных суждений свидетельствует о том, что мы имеем дело в антиномиях не с софизмом, не с ошибками рассудочного мышления, покоящегося на незыблемости законов формальной логики, а с фундаментальными парадоксами, обусловленными блистательными притязаниями "разума, расширяющего свою область за пределы всякого опыта..."⁴⁰. Обнаружение парадоксальности суждений о предельных основаниях мира свидетельствует о том, что разум "находится в разладе с самим собой"⁴¹ и не может успокоиться, не объяснив причину этих антиномий. Поэтому, сформулировав антиномии чистого разума, Кант спешит их дезавуировать.

Мыслитель справедливо напоминает об известном в логике различии между контрарными и контрадикторными суждениями. Контрадикторные суждения А&А подчиняются закону исключенного третьего. Если кто-то говорит, что *этот человек бржнет* и одновременно *этот человек не бржнет*, то одно из высказываний будет истинным, а другое — ложным. Точно так же, из двух суждений *этот цветок благоухает* и *этот цветок не благоухает* (пример Канта) одно должно быть истинным, а другое — ложным. Кант называет подобные противоположности *аналитическими*, т.е. подчиняющимися закону исключенного третьего.

Однако можно сформулировать и такие противоположные суждения: а) *этот человек бржнет* — *этот человек блондин*; б) *этот цветок имеет приятный запах* — *этот цветок имеет неприятный запах*. Здесь мы имеем дело с контрарными суждениями, каждое из которых может быть ложным. Например, человек может быть шатеном, цветок может не иметь запаха. Такие противоположности Кант называет *диалектическими*, они создают лишь видимость взаимоисключения. Следовательно, в диалектических противоположностях оба суждения могут быть ложными.

Тот, кто предполагает, что мир по своей величине либо конечен, либо бесконечен, но отрицает одновременную истинность обоих суждений, тот, по Канту, предполагает нечто еще и иное сверх сказанного, а именно: мир имеет сам по себе (как "вещь-в-себе") величину. По Канту, "два диалектически противоположных суждения могут быть ложными, потому что одно не только противоречит другому, но и высказывает нечто сверх того, что необходимо для противоречия"⁴².

Неистощимый критик способности наших суждений в конечном итоге приходит к выводу, что в основе всех антиномий разума, за исключением противоречия между детерминизмом и свободой, лежит диалектическая противоположность суждений,

выходящая за пределы возможного опыта. Другими словами, антиномии возникают из-за предпосылки, что мир сам по себе (как "вещь-в-себе") изначально должен обладать какими-либо всеобщими атрибутами (величиной, сущностью, сложностью и т.п.), только тогда мы можем вывести прямо противоположные суждения о характере этих атрибутов (величине, сущности, сложности и т.д.).

В основе доказательств всех антиномий лежит аналитическое положение: всякое обусловленное имеет предшествующее ему условие (условие обуславливает). Однако в доказательстве антиномий разум по существу выходит за пределы этой аналитической формулы, используя синтетическую предпосылку: если дано обусловленное, то дана вся абсолютная целокупность условий. Абсолютная целокупность — это "вся сумма условий, стало быть, абсолютно безусловное"⁴³. Это абсолютно безусловное может быть обнаружено только в синтезе условий, предшествующих обусловленному. Кант называет этот ряд условий регрессивным.

В принципе этот ряд можно представить себе как бесконечный (т.е. бесконечно нисходящий вниз в поисках предшествующих условий), и как конечный, т.е. начинающийся с какого-то условия. В любом случае, конечен он или бесконечен, разум мыслит его как абсолютно безусловное. Но эта мысль о предзаданности абсолютно безусловного есть всего лишь умопостигаемая, но не эмпирически достоверная идея. Она предполагает данность нам абсолютно безусловного, относящегося к миру, как "вещи-в-себе". Однако если идти от эмпирически зафиксированного, т.е. от явления, то абсолютная целокупность ряда отнюдь не дана в опыте, а лишь задана. Эта заданность нацеливает нас на осуществление в опыте последовательного регресса условий. Однако в эмпирическом регрессе мы никогда не можем исчерпать бесконечный ряд явлений. "Основоположение разума, — утверждает Кант, — есть, собственно, только правило, предписывающее в ряду условий данных явлений регресс, которому никогда не дозволено остановиться перед абсолютно безусловным"⁴⁴.

Таким образом, с отрицанием недопустимой презумпции (неявной предпосылки), что нам дана (или может быть исчерпана каким-либо образом) абсолютная целокупность условий, отпадают и претензии тезиса и антитезиса на их одновременную истинность, оба утверждения могут оказаться ложными, как это часто происходит в столкновении контрарных высказываний. "В

самом деле, — пишет Кант, — мир остается, если бы я отрицал бесконечный или конечный регресс в ряду его явлений..."⁴⁵. Так как мир не дан нам независимо от эмпирического ряда явлений, то "он не существует ни как *само по себе бесконечно целое*, ни как *само по себе конечное целое*"⁴⁶.

Следовательно, если разум признает, что презумпция *данности* абсолютно безусловного не законна, то отпадает или ставится под вопрос сам предмет спора: конечен или бесконечен мир, сложен он или обладает простой структурой, существует ли абсолютная сущность, из которой можно вывести все другие атрибуты мира, или такой абсолютной сущности не существует. С устранением этих претензий разума приписывать миру в целом какие-либо априорные атрибуты заканчивается и спор разума с самим собой, он приходит к согласию с самим собой. Абсурд в парадоксальных антиномиях Канта преодолевается самим критическим разумом, стоящим на страже рассудочного мышления.

Итак, Кант доказал, что в трех его антиномиях противоречие возникает из-за неограниченных претензий разума судить о мире в целом только на основе умопостигаемых идей. Взаимоисключающие противоположности тезиса и антитезиса, с его точки зрения, оказываются ложными⁴⁷. Однако антиномия, сталкивающая детерминизм и свободу, по Канту, носит принципиально иной характер. Его конечный вывод состоит в том, что в мире существует и природная (естественная) причинность, и свободная причинность, начинающаяся с безусловного, т.е. конечного члена регрессивного ряда, за которым не стоит никакого условия. Последнюю кенигсбергский философ называет еще *абсолютной самодеятельностью* или свободой. Оба утверждения, с его точки зрения, истинны, "и то, и другое может одновременно быть в одном и том же событии в различных отношениях"⁴⁸. Доказательство совместности детерминизма и свободы может не удовлетворять современного читателя, но его стоит рассмотреть как пример хитрости разума, преодолевающего парадокс. Необычность кантовского доказательства заключается в том, что способность разума оперировать умопостигаемыми идеями из негатива, разрушающего все три предыдущие антиномии, в данном случае превращается в позитив, подтверждающий наличие свободы в мире.

Признание естественной причинности базируется на *наблюдении* явлений, которое всегда обнаруживает в регрессивном ряду предшествующее условие (причину), а в прогрессивном ряду — последующее обусловленное (следствие). Поскольку эти ряды

можно продолжить в обе стороны, не встречая границ, мы должны признать универсальность причинно-следственных связей в природе, т.е. правоту детерминизма.

В природе, по Канту, не может быть самостоятельной причины, т.е. свободы. Свободу следует искать только в человеческих поступках, в сфере выбора разумного человека. Свобода, по Канту, выражается в императивах разума, определяющего для себя *должное*. В природе мы всегда обнаруживаем *сущее*, природа не признает *должного*. Свободный выбор, основывающийся на идеях разума, определяет *должное* для субъекта, цель его действий.

Здесь может возникнуть возражение следующего порядка. О поступках человека мы можем судить по их наблюдению, следовательно, они суть явления. Почему же не предположить, что за этими явлениями существуют обуславливающие их явления и т.д.? Если это так на самом деле, тогда не остается места для свободы, побеждает всеобщая причинность.

Кант, отвечая на это возражение, говорит о том, что если мы стоим на позиции *наблюдения*, то свободы никогда не обнаружим: "В отношении **этого** эмпирического характера нет свободы, а ведь только исходя из этого эмпирического характера мы можем рассмотреть человека, если занимаемся НАБЛЮДЕНИЕМ и хотим исследовать движущие причины его поступков физиологически, как это делается в антропологии"⁴⁹.

Итак, если мы признаем, что в человеке все феноменально, т.е. проявляется в чувствах, в опыте, наблюдении, то здесь исключается свобода, вернее доступ к свободе. Действительно, поступок человека дан нам как явление, которое можно свести к другим явлениям. Перед поступком мы можем обнаружить физиологическую потребность (хотение, по Канту), эмоцию, настроенность, мотивацию (манифестированную), данные нам как явления. Однако все явления образуют причинно-следственный ряд, в котором нет места свободе.

Но человек есть также и ноумен, у него существуют помимо всего умопостигаемые способности, идеи рассудка и разума. Эти умопостигаемые идеи не являются феноменальными, мы должны отнести их к сущности человеческой природы. Идеи разума и определяют для человека *должное*, которое обуславливает характер и способ действия человека. Умопостигаемые идеи разума и являются отправной точкой в самостоятельной причине, с них, с этих идей, определяющих *должное* для человека, и начинается свободная причинность. Но умопостигаемые идеи не

феноменальны, они не лежат в плоскости наблюдения. Для нас наблюдаема только цепь действий человека, в которых свобода не обнаруживается.

Здесь мы снова наталкиваемся на затруднение в понимании Канта. Ведь критик неограниченных претензий разума ранее уже признал, что умопостигаемые идеи, выходящие за пределы опыта, могут заводить нас в тупик. На это Кант мог бы ответить, что он доказал эфемерность тех умопостигаемых идей, которые касались априорных, т.е. не проявляющихся в эмпирии, атрибутов мира, навязываемых разумом этому миру. В данном же случае речь идет об умопостигаемых способностях человека, которые хотя и не проявляются в наблюдении, но тем не менее существуют в разуме человека, определяя его волю. Эти идеи разума определяют должное, к которому стремится человек, делая свой выбор.

Безусловно, это должное не может осуществляться вопреки природе. "Этим долженствованием, — отмечает Кант, — обозначается возможный поступок, мотивом для которого служит лишь понятие, между тем как основанием действия одной лишь природы служит явление. Конечно, необходимо, чтобы поступок, на который направлено долженствование, был возможен при естественных условиях, но эти условия имеют отношение не к определению самой воли, а только к действию и результатам ее в явлении"⁵⁰. Таким образом, разум является основанием и первым условием свободы: "Разум есть постоянное условие всех произвольных поступков, в которых проявляется человек"⁵¹.

Из сказанного можно было бы сделать вывод, что в природе господствует естественная причинность без свободы, а в человеческой деятельности свобода без естественной причинности. Но тогда был бы подорван универсальный принцип детерминизма. Такое решение не удовлетворяет Канта, ибо оно ограничивает детерминизм, отрицает его в сфере человеческих поступков. По Канту, причинность как обусловленность одного явления другим в человеческих поступках вполне уживается со свободой, ибо детерминизм проявляется в эмпирическом ряде явлений, в наблюдениях над поступками человека, а свобода, с которой начинается самодеятельность человека, находится в идеях и понятиях разума, которые не наблюдаемы, но тем не менее, принадлежат ноуменальной сущности человека. Тем самым доказывается, что истинно и то, и другое (и детерминизм, и свобода), но в *разных отношениях*. Следовательно, абсурдность рассмотренной антиномии также преодолевается.

Анализ кантовских антиномий весьма показателен для понимания соотношения абсурда и парадокса.

Во-первых, антиномии Канта зиждятся на предпосылочных смыслах. По существу, он обратился к тем идеям, которые уже существовали и интенсивно обсуждались в философском мире. Если одни философы воспринимали в качестве незыблемых начал своей онтологии какой-либо тезис (конечность мира, простота или нередуцируемость исходных начал мира, наличие абсолютной сущности, из которой может быть выведен мир и т.д.), стараясь его каким-то образом обосновать и преодолеть критику своих оппонентов, то другие становились на позиции антитезиса (бесконечность мира, его неисчерпаемая сложность, отсутствие абсолютной сущности, из которой можно было бы вывести всю структуру мира), с тем же успехом критикуя точку зрения своих противников. Гениальность Канта состояла в том, что он увидел в этих оппозициях не просто борьбу несовместимых взглядов, что довольно частенько случается в науке, но парадокс философствующего Разума.

Это означает, что он увидел равновесие тезиса и антитезиса там, где другие усматривали только их взаимоисключение. Более того, Кант предоставляет доказательства основательности равноправия тезиса и антитезиса в каждом случае. Это и есть философский парадокс, называемый Кантом антиномией. Формулировка парадокса — это не просто констатация того и другого, т.е. фиксация противоположных взглядов в философии. Если бы это было так, то всегда бы оставалась возможность для выбора какой-то одной позиции: либо тезиса, либо антитезиса. Доказательство антиномичности противоположных позиций, по Канту, означает, что принимая одно (тезис), мы неизбежно должны принять и другое (антитезис). В этом суть парадокса.

Доказав наличие парадоксов в философском разуме, Кант совершает философское открытие. Если до него считали, что в философском дискурсе существуют разные идейные позиции (вплоть до их противостояния), то после Канта становится ясно, что тезис и антитезис — не просто разные сущности (которые можно разнести по полочкам), но нераздельные, логически взаимосвязанные идеи. Тезис столь же равноправен и основателен, как и антитезис, а это и есть абсурд, обнаруживаемый в парадоксе. Парадокс не существует без этого абсурдного момента, хотя, как мы видели, и не сводится целиком к нему. Как только обнаруживается абсурд, он взрывает уравновешенный покой в философском мире, он уже не приемлем ни для одной сторо-

ны. Не приемлем абсурд и для Канта, определявшего его как разлад разума с самим собой.

Поэтому далее Кант предпринимает попытку преодоления абсурда в антиномиях. Как мы видели, Кант, развертывая свою систему доказательств (покоящуюся на предпосылках его философии), в конечном счете доказывает, что три антиномии ложны (т.е. ложными или недопустимыми являются как тезис, так и антитезис), а четвертая признает и истинность всеобщего детерминизма и свободы в человеческих поступках, но в *разных отношениях*. Тем самым удается не только преодолеть абсурд в противостоянии тезиса и антитезиса, но и существенно прирастить, обогатить смысл новым пониманием проблемы.

Таким образом, Кант не декларирует свои антиномии, а разворачивает Логiku становления и разрешения парадоксов, тем самым обнаруживая их глубинный смысл. В какой-то степени урок, преподанный Кантом в анализе антиномий, может считаться прецедентным, т.е. рассматриваться в качестве общей модели постановки и разрешения парадоксов. Ведь, по существу, с аналогичной ситуацией мы столкнулись и в парадоксах теории множеств.

Вначале на пути построения теории множеств логично и естественно возникает конструкция "множества множеств". Далее обнаруживается, что данное понятие приводит к парадоксам, т.е. к выводу из него двух взаимоисключающих суждений, а это уже абсурд. Затем Рассел, предпринимая усилия по разрешению парадокса, создает свою теорию типов. С позиции этой теории удается развести высказывания о множестве и высказывания об элементах, избежать противоречий в ткани рассуждений.

В развитии парадокса можно выделить три стадии. Первая, подготовительная связана с накоплением предпосылочных смыслов. Предпосылочные смыслы фиксируют устоявшееся мнение, например, что стрела, выпущенная из лука, летит; быстроногий Ахиллес догонит и перегонит черепаху, параллельные прямые не пересекаются, волна не может быть частицей, конечное бесконечным и т.д.

Затем наступает второй этап, когда формулируется парадокс. Суть этого этапа именно в переворачивании устоявшихся взглядов, в переходе к противоположным суждениям или столкновению их в противоречии. Приходит Зенон и предлагает модель толкования движения, в которой стрела в каждое мгновение летит и не летит, а Ахиллес никогда не может догнать черепаху. Наступает время гениев. Эйнштейн в теории фотоэффекта

показывает, что фотон можно трактовать и как частицу, и как волну. Лобачевский показывает, что в некоторых искривленных пространствах параллельные могут пересекаться. Рассел обнаруживает, что простое понятие "множество множеств" ведет к противоречию. Кант в своих антиномиях доказывает равноправность утверждений о конечности и бесконечности мира.

Это и есть момент высочайшего напряжения мыслей — рождение парадоксального элемента, разлад разума с самим собой. Такое состояние часто оценивается как абсурдное, нетерпимое, как кризис идей. Не случайно обвинение в абсурдности предъявлялось и Бору в связи с его новой квантовой механикой, и Эйнштейну по поводу его теории относительности, и Лобачевскому по поводу его новой геометрии.

Наконец, приходит третий этап разрешения парадокса. Ищущая мысль не может примириться с абсурдом, она мучительно ищет выход из него. Пути разрешения парадоксов — это пути создания новых смыслов, гармонизирующих разум, приводящих его в согласие с самим собой.

По-видимому, нет общего алгоритма разрешения парадоксов. Здесь не нужно придумывать какие-то общие диалектические рецепты для разрешения всех парадоксов, вроде гегелевского синтеза. Гораздо полезнее обратиться к реальной истории разрешения парадоксов в человеческом творчестве, к истории науки. Мы знаем, что парадоксы могут разрешаться за счет создания новой теории, включающей старую в виде предельного случая (боровский принцип соответствия), за счет дискредитации одной из противоположностей, за счет дискредитации обеих противоположностей (как это делает Кант, показывая ложность трех из своих антиномий), за счет разведения противоположностей к разным основаниям (когда Кант примиряет утверждение о всеобщей причинности и свободной, самостоятельной причине, полагаемой человеческим разумом).

Известно, что из всех наук самая непротиворечивая — математика. Однако история развития математики в XX в. с ее многочисленными кризисами и парадоксами развеяла миф о том, что можно избежать парадоксов на пути строгой формализации математических теорий. Миф о "логическом рае", достижимом в математике, рухнул, когда Гедель доказал два утверждения:

- 1) любая аксиоматическая теория, включающая арифметику целых чисел, неполна;
- 2) любая такая система не гарантирует непротиворечивости.

Это означало, что в развитии любой строго формализованной теории мы всегда можем столкнуться с парадоксом неполноты (когда некоторое утверждение на языке теории нельзя будет ни вывести, ни опровергнуть) и с парадоксом противоречия двух суждений. По существу, Гедель доказал, что парадоксы всегда будут сопутствовать даже самой точной, рационализированной человеческой мысли.

Вместе с тем, история науки свидетельствует, что когда обнаруживается парадокс, он не останавливает человеческую мысль, на путях его разрешения возникают новые смыслы, гипотезы, теории.

Возвращаясь к нашедшейся идее Делеза о том, что смысл рождается из абсурда, можно сказать, что он зафиксировал только одну фазу рождения смысла: от обнаружения абсурда в парадоксе к рождению нового смысла и потерял из виду всю картину, включающую три этапа: от смыслов (предварительных) через парадокс — к новым смыслам. Смысл в парадоксе всегда предпосылочен, ни язык, ни научная теория не могут начаться с нонсенса.

Путь рождения смыслов через разрешение парадоксов не является ни всеобщим, ни абсолютным, в какой-то степени его можно назвать уникальным. Это особенный путь, нередко связанный с творческими переворотами, революциями в науке. Пользуясь терминологией Т. Куна, можно сказать, что "нормальное" творчество протекает в направлении от смысла к смыслу, но встречаются и "аномалии", приводящие к парадоксам. Но и парадокс, как мы видели, имеет свою логику.

Таким образом, мы проанализировали возможности возникновения абсурда. Они обусловлены семантическими рассогласованиями в построении смысла высказывания, нарушением принципов коммуникации (в частности, рассогласованием намерений и целей говорящего с манифестируемым в языковом выражении смыслом) и, наконец, разрушением смысловой ткани (логики смысла) рассуждений. Абсурд всегда является нарушением смысла, его противоположностью.

¹ См.: Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16; Гордон Д. Лакофф Дж. Постулаты речевого общения // Там же.

² См.: Кравец А. С. Структура смысла: От слова к предложению // Вестник ВГУ. Сер. 1. Гуманит. науки. 2001. № 1.

³ См.: Уфимцева А. А. Лексическое значение (Принцип семиологического описания лексики). М., 1986.

- ⁴ См.: Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: (Семантические средства языка). М., 1974; Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.
- ⁵ Хоанг Фэ. Семантика высказываний // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. С. 400.
- ⁶ Цит. по: Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. СПб., 1994. Т. 2: Средневековье. С. 48.
- ⁷ См.: Остин Дж. Избранное. М., 1999; Серль Дж. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17.
- ⁸ См.: Кравец А. С. Деятельностная парадигма смысла // Вестник ВГУ. Серия Гуманит. науки. 2003. № 1.
- ⁹ Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16.
- ¹⁰ См.: Лакофф Дж. Прагматика в естественной логике // Там же.
- ¹¹ См.: Вендлер Э. Иллокутивное самоубийство // Там же.
- ¹² Там же. С. 247.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985. С. 58.
- ¹⁵ Хоанг Фэ. Указ. соч. С. 404.
- ¹⁶ Кифер Ф. О роли прагматики в лингвистическом описании // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. С. 337–338.
- ¹⁷ Фоллесдаль Д. Понимание и рациональность // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 18. С. 158.
- ¹⁸ Делез Ж. Логика смысла. М., 1995.
- ¹⁹ Огурцов А. П. Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2000. Т. 1. С. 22.
- ²⁰ Богомолов А. С. Диалектический логос: Становление античной диалектики. М., 1982. С. 230–231.
- ²¹ Ивин А. А. Софизмы как проблема // Вопросы философии. 1984. № 2.
- ²² Мур Дж. Принципы этики. М., 1984.
- ²³ Ивин А. А. Указ. соч. С. 72.
- ²⁴ Там же. С. 71.
- ²⁵ Воробьева С. В. Парадокс // Всемирная энциклопедия: философия. М.; Минск, 2001. С. 757.
- ²⁶ Клайн М. Математика. Утрата неопределенности. М., 1984. С. 239.
- ²⁷ Там же. С. 240.
- ²⁸ Там же. С. 258.
- ²⁹ Кант И. Критика чистого разума // И. Кант. Соч.: В 6 т. М., 1964. Т. 3. С. 404.
- ³⁰ Там же. С. 410.
- ³¹ Там же. С. 411.
- ³² Там же. С. 418.
- ³³ Там же. С. 419.
- ³⁴ Там же. С. 424.
- ³⁵ Там же. С. 425.
- ³⁶ Там же. С. 404.
- ³⁷ Там же. С. 408.
- ³⁸ Там же. С. 404.

³⁹ Кант И. Критика чистого разума // И. Кант. Соч.: В 6 т. М., 1964. Т. 3. С. 409.

⁴⁰ Там же. С. 432

⁴¹ Там же. С. 431

⁴² Там же. С. 460.

⁴³ Там же. С. 393.

⁴⁴ Там же. С. 462.

⁴⁵ Там же. С. 460.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. С. 475.

⁴⁸ Там же. С. 480.

⁴⁹ Там же. С. 489.

⁵⁰ Там же. С. 488.

⁵¹ Там же. С. 491.